

Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации Protest Event Analysis as a Tool for Political Mobilization Studies

Андрей Владимирович Семенов, Центр сравнительных исторических и политических исследований, директор, Кафедра политических наук, доцент. Пермский государственный национальный исследовательский университет. Кандидат политических наук. Пермь, Россия. Электронный адрес: andreysemenov@comparativestudies.ru

Andrey Semenov, Center for Comparative History and Politics, Director. Department of Political Science, Assistant Professor, Perm State University. Candidate of Political Science. Perm, Russia. Email: andreysemeneov@comparativestudies.ru

Аннотация

В данной статье анализируются возможности и ограничения событийного анализа протестов (protest event-analysis) в изучении политической мобилизации. Событийный анализ, являясь разновидность контент-анализа, позволяет воссоздавать динамику политической мобилизации и ее ключевые характеристики на основе разнообразных текстовых источников (отчеты полиции, дневники наблюдения, сообщения в масс-медиа). История появления событийного анализа тесно связана с развитием сравнительного метода в социальных науках и конкуренцией теорий коллективного действия и социальных движений. Запрос на масштабные кросс-национальные сравнения и квантификацию социально-политических явлений вместе с пионерскими работами Чарльза Тилли создали предпосылки для систематического сбора данных о протестных событиях. Четыре поколения развития метода позволили не только сформировать ключевые понятия теории коллективных действий («структура политических возможностей», «цикл протеста», «репертуар протеста» и др.), но и значительно улучшить процедуры сбора и обработки информации о политической мобилизации, в частности за счет триангуляции данных и полуавтоматического кодирования. В статье также анализируются источники систематических ошибок в сборе данных о протестных событиях (селективное освещение, ошибки описания и кодирования данных) и возможные варианты их корректировки. Рассматривается опыт применения событийного анализа протестов к российской реальности, указывается на особый характер вызовов, с которым сталкиваются исследователи, работающие с российским материалом (пространственная гетерогенность, низкое качество сообщений в СМИ в отсутствие значимых альтернативных источников, смещение в освещении протестов в сторону крупных городов). На примере создания базы данных «Состязательная политика в России» анализируются методики и варианты решения возникающих в ходе событийного анализа проблем.

Ключевые слова: событийный анализ протестов, политическая мобилизация, коллективные действия, социальные движения, протестная активность, сравнительная политология, политическая методология.

Abstract

In this paper we analyze the scope and limits of protest event-analysis as a tool for studying political mobilization. Event-analysis is a form of content-analysis and allows to reconstruct the dynamics of contention and its key characteristics on the basis of different text sources (police and media reports, participatory observations etc.). The inception of protest event-analysis is closely linked to the development of comparative method in social sciences and competition among theories of collective action and social movements. The demand for the wide cross-national comparisons and quantification of social-political phenomena alongside pioneering works of Charles Tilly created the preconditions for systematic collection of information on protest events. Four generations of event analysis led to formulation of key concepts on collective action theory (“political opportunity structure”, “cycle of protest”, “repertoire of contention” etc.) and also

improved the techniques and procedures of data collection process, for example, by introducing the triangulation of sources of using semi-automated coding. We also analyze the sources of systematic bias in data collection process (selective, descriptive, and research) and possible means of correction. In addition, we compare the event catalogs of the Russian protests and point to some specifics of this case, namely, spatial heterogeneity, poor quality of media reports in absence of alternative sources, the bias in media coverage towards the big cities. Using the experience of “Contention Politics in Russia” database development we propose systematic methods and means, which address the challenges of protest event-analysis in regards to Russia.

Keywords: protest event-analysis, political mobilization, collective action, social movements, protest activity, comparative politics, political methodology.

Событийный анализ протестов (protest event-analysis, PEA) за более чем 50 лет своего существования стал одним из основных методов изучения «состязательной политики» (contentious politics), включающей в себя широкий спектр процессов, в ходе которых индивиды и их группы публично предъявляют требования/ оспаривают действия другой стороны. Каноническое определение «состязательной политики» как «эпизодических, публичных, коллективных взаимодействий между предъявителями требований и объектами предъявления, в которых по крайней мере одним из предъявителей, объектов предъявления или стороной является государство, а требования, будучи реализованными, затронут интересы хотя бы одного предъявителя» [MacAdam et al. 2003: 5], уже содержит указание на событийность как принципиальное качество: в отличие от рутинных политических процессов (партийных собраний, бюрократического делопроизводства, чтения политических новостей), состязательная политика возникает эпизодически. Иными словами, государственные перевороты, революции или появление новых социальных движений, равно как и забастовки, голодовки, митинги и пикеты происходят далеко не каждый день, их основные характеристики (длительность, количество участников, символы и фреймы), таким образом, становятся доступными для исследования именно в ходе их осуществления.

Протестные события, нарушая повседневное течение политической жизни, становятся важным источником информации и эмпирическим материалом для поиска ответа на целый ряд вопросов политической науки: как и при каких условиях акторы мобилизуются на коллективные действия? Какова динамика взаимодействия протестующих с государством и третьими сторонами? Какова пространственная динамика протестных кампаний и какую роль в этом играют средства коммуникации? При каких условиях мирный протест превращается в насильственный, наконец, каким образом коллективный протест может способствовать улучшению качества политических процессов? На эти и многие другие сопутствующие вопросы растущая литература, посвященная социальным движениям и коллективным действиям, дает разные ответы, однако в методологическом плане два инструмента анализа остаются наиболее значимыми: опросы общественного мнения и событийный анализ. Если первые посвящены, в первую очередь, микрооснованиям мобилизации, то второй в качестве единицы наблюдения имеет коллективное действие как таковое.

Данная статья фокусируется на втором инструменте и призвана раскрыть его преимущества и недостатки как метода анализа состязательной политики (политической мобилизации в широком смысле) и на данный момент является первой попыткой обобщения опыта изучения протестной мобилизации в России с использованием данного метода. Мы рассмотрим историю становления данного инструмента, основные повороты, связанные с его развитием, а также его разновидности. Далее мы обратимся к анализу использования событийного анализа протестов исследователями политических процессов в России, обозначим достижения и проблемы, связанные с применением событийного анализа. Наконец, мы обратимся к опыту создания базы данных «Состязательная политика в регионах России», охватывающей все регионы страны за период 2012-2013 гг., рассмотрим

методологические и методические трудности создания подобного каталога событий и предложим варианты решения существующих проблем. Наш основной аргумент заключается в том, что событийный анализ, в случае адекватного сбора данных и корректного применения (в первую очередь - понимания ограничений, связанных с ним), обладает значительными аналитическими возможностями как для анализа динамики мобилизации, так и для широких сравнительных исследований.

Событийный анализ протестов: история развития

Роберто Францози, один из разработчиков «семантических триад» в событийном анализе протестов, отмечает, что корни этого метода восходят к рутинизации практики исповеди в христианстве Четвертым Латеранским собором 1215 г., созданию шаблона, описывающего обстоятельства совершения греха и предполагавшего ответы на вопросы *quis, quid, quando, ubi, cur, quem* (кто, что сделал, когда, где и почему). Другие авторы отмечают, что этот шаблон появляется уже в трудах античных риториков, хотя набор вопросов мог отличаться [Robertson 1946]. Событийный анализ хотя и основывается на других источниках, нежели исповедь, разделяет с последним фундаментальную черту: он описывает обстоятельства совершенного действия, содержание которого представляется экстраординарным по отношению к повседневной рутине. В политической науке анализ таких событий (революций, восстаний, войн, гражданских конфликтов, вспышек насилия) не являлся редкостью, но составление систематических каталогов таких явлений вошло в практику относительно недавно.

Событийный анализ - это разновидность контент-анализа, поскольку каталоги событий составляются на основе текстового материала (обычно - отчеты органов государственной статистики или полиции, сообщения в прессе, реже - дневники наблюдения и другие источники личного происхождения). Трансформация «слов в цифры» [Franzosi 1994] имеет ряд «подводных камней»: Чарльз Тилли отметил, что «каждый, кто составляет [каталоги событий] с необходимостью должен думать о проблемах селективности, надежности, верифицируемости, сопоставимости, границах и инклюзивности» [Tilly 2002: 249]. Иными словами, любой каталог протестных событий уже основывается на определенной теории, то есть, ответе на вопрос: каковы должны быть необходимые и достаточные характеристики события, чтобы считать его протестным? Вероятность попадания того или иного события в каталог зависит от концептуализации, что особенно важно в контексте динамики социальных изменений. Так, развитие новых форм (арт- или онлайн-активизм) заставляет пересматривать критерии включения и расширять предметное поле. Именно в связи с изменениями в концептуализации понятия «протест», которое становилось все более инклюзивным, точным в определении ключевых характеристик и чувствительным к контексту, связана эволюция событийного анализа.

Свен Хантер отмечает, что событийный анализ стал «ключевой методологической новацией, возникшей в рамках изучения социальных движений» [Hutter 2014: 335]. Сам метод берет свое начало в 1960-х гг. под воздействием общего для социальных наук движения в сторону квантификации и широких кросс-национальных сравнений, а также появления альтернативных объяснительных моделей мобилизации. Работы Брюса Рассета, Чарльза Тейлора и Майкла Хадсона, Чарльза Тилли и его коллег стали первыми систематическими попытками собирать базы данных протестных событий [Russet 1964; Taylor and Hudson 1975, 1986; Tilly, Tilly and Tilly 1975; Tilly 1978]. Брюс Рассет и его коллеги в рамках Всемирной программы анализа данных Йельского университета стали пионерами сбора широкого круга данных для кросс-страновых сравнений, результаты которых публиковались в серии Всемирных книг социально-политических индикаторов. Второй выпуск серии, охватывавший период с 1948 по 1967 гг., содержал информацию о демонстрациях (как антиправительственных, так и прорезимных), забастовках, восстаниях, политических убийствах и ряду других событий, основным источником выступали публикации в the New York Times и the Associated Press [Taylor and Hudson 1975]. Третий выпуск серии стал

наиболее объемным с агрегированными данными по ключевым социально-экономическим индикаторам 155 стран и тремя отдельными частями, посвященными событиям в 139 странах в период 1948-1982 гг. с точностью до одного дня, а также агрегированными до уровне квартала и года [Taylor and Jodice 1986]. Статистика Межуниверситетского консорциума по политическим наукам, где хранятся данные серии, указывает, что 164 публикации в ведущих журналах использовали данные проекта; большинство из них посвящено исследованиям детерминант конфликтов и мира - как внутри- так и межгосударственного, некоторые работ стали классическими (ref!). Основной проблемой оставалась селективность (данные о протестах собирались из ограниченного круга источников, имевших различные, но как правило - достаточно высокие пороги включения) и недостаточное "разрешение" по ключевым характеристикам событий: например, в России данные проекта фиксируют 1027 протеста на протяжении периода 1990-2004 гг. с пиками в 1991 и 1997 гг. И хотя эти данные, в целом отражают тренд (см. рисунок 1.), точными их назвать никак нельзя, что демонстрируется работах Марка Бейсингера и Грэма Робертсона [Beissinger 2002; Robertson 2011].

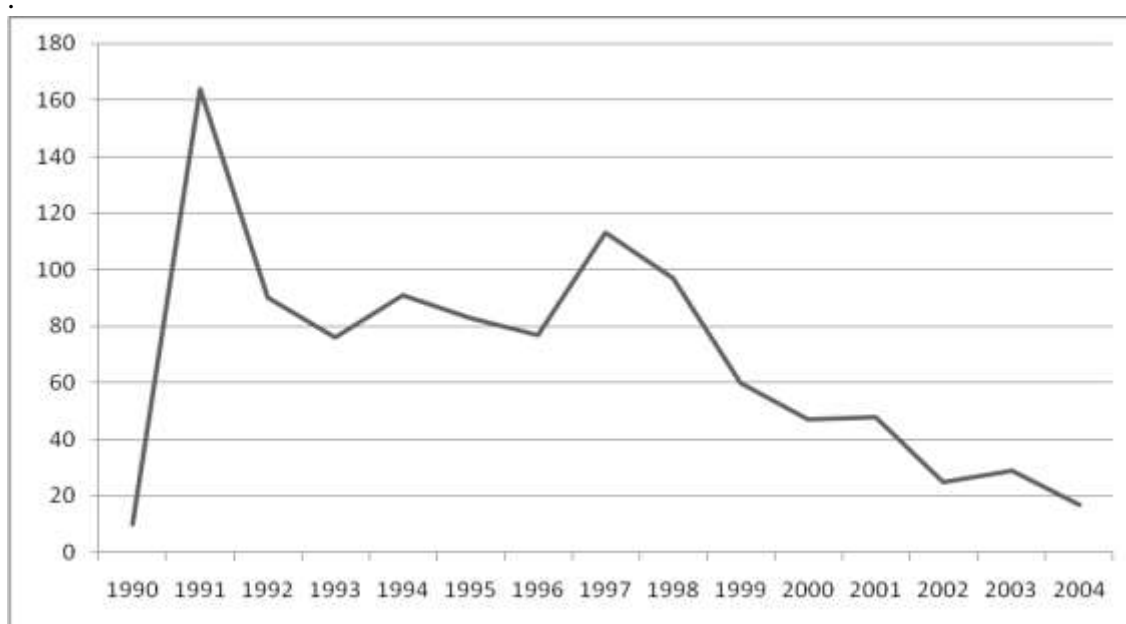

Рисунок 1. Количество протестов в России 1990-2004 гг. Источник: *World Handbook of Social and Political Indicators*.

Другой проблемой проекта Всемирных индикаторов оставалась концептуализация проблемы политической мобилизации: отвечая на вопрос "что происходит?" исследователи не задавали вопросами "почему?". В дискуссиях между альтернативными теориями мобилизации, в частности – моделями относительной депривации Теда Гарра [Gurr 1970], избирательных стимулов коллективного действия Манкура Олсона [Olson 2009], ресурсной мобилизации Джона Маккарти и Маера Залда [McCarthy and Zald 1977] и теорией структуры политических возможностей/ политического процесса Чарльза Тилли, - рождается новый инструмент анализа политической мобилизации, который заключается во составлении систематических каталогов протестных событий. Подъем социальных движений конца 1960-х гг. и этнически/расово мотивированные бунты дают эмпирическую основу для систематической верификации разных моделей. На этом материале формируется концептуальный аппарат исследований мобилизации: Питер Эйсингер, анализируя протесты в 43 американских городах в 1968 г., формулирует понятие «структура политических возможностей» и выдвигает важную гипотезу, что именно открытость/закрытость этой структуры определяет основные параметры мобилизации [Eisinger 1973]. Отталкиваясь от его идеи, Тилли проводит масштабный анализ четырех столетий политической мобилизации по Франции [Tilly 1986] и «протестных собраний» в Британии времен Индустриальной

революции, что позволило ему выделить одну из центральных характеристик протестной активности – репертуар протестного действия [Tilly 1995]. Именно репертуаром отличаются осовремененные формы протестных действий от современных: первым присущая партикулярность, локальность, парохильность, тогда как последние модулярны, универсальны и ориентированы на национальные правительства [Tilly 1995].

Второе поколение продолжило разрабатывать мобилизацию в контексте «расширения возможностей», результатом чего становится формирование теории политического процесса в работах Ханспитера Криси и его коллег «Политическая мобилизация в Швейцарии, 1945-1978 гг.» [Kriesi 1981] и «Новые социальные движения в Западной Европе: сравнительный анализ [Kriesi et al. 1995], книге Дагласа Макадама «Политический процесс и развитие цветного повстанчества в Америке 1930-1970 гг.» [MacAdam 1982] и Сиднея Тарроу. Последний, опираясь на анализ протестных акций в Италии в 1968-1972 гг., формулирует другое ключевое понятие теории политического процесса – «цикл протеста», которое указывает на волновой характер политической мобилизации и характеризуется интенсификацией конфликтов, географическим и секторальным расширением протестов, созданием новых организаций коллективного действия, созданием новых мобилизационных «фреймов» и изобретением новых форм действия [Tarrow 1993: 284]. Однако, несмотря на ряд концептуальных новаций, первая волна событийного анализа оставалась принципиально отграниченной рамками отдельных видов протестов, в фокусе внимания исследователей были забастовки, возведение баррикад, политическое насилие, в меньшей степени они были озабочены вопросами надежности и полноты охвата данных, проблемы, которые довольно скоро выявились в событийном анализе на основе прессы [Danzger 1975]

Третья волна продолжила курс на расширение кросс-национального компонента, в том числе, с применением методов полуавтоматического кодирования. Проект «База данных протестов и принуждения в Европе» (European protest and coercion data, EPCD)¹ включил 28 европейских стран и охватывал период с 1980 по 1995 гг. использовал протокол Канзаской системы обработки событийных данных (Kansas Event Data System, KEDS)² для предварительной обработки первоначальных данных, что имело два значимых преимущества: существенное ускорение процесса кодирования и снижение влияния человеческого фактора [Schrodt and Hall 2006]. Протокол KEDS был основан на предшествующих проектах анализа, в первую очередь, международных конфликтов, и в дальнейшем эволюционировал в целый ряд баз данных с информацией о конфликтных событиях в мире, например, Интегрированную базу данных для событийного анализа (Integrated Data for Events Analysis, IDEA) и Феникс³. Другими масштабными проектом этого поколения стали исследования Дуга Имига и Сиднея Тарроу (2001) о состязательной политике в Западной Европе [Imig and Tarrow 2001], а также . Исследователи в этот период плотно занимаются проблемой оценки смещения/систематических ошибок (bias) в данных в связи с особенностями источников. Проверке надежности и репрезентативности событийных каталогов был посвящен отдельный выпуск журнала «Мобилизация» (№2 за 1999 год, редакторы - Дитер Рухт и Руд Коопманс, см. также [Rucht et al. 1999]), а также обзорные статьи Дженнифер Эрл и др. [Earl et al. 2004] и Дэвида Ортиза и др. [Ortiz et al. 2005], в которых подробно рассматриваются два источника систематических ошибок: избирательность внимания медиа к протестным событиям (selection bias) и неопределенность/противоречия в описании самих событий (description bias). На вероятность освещения протестов в СМИ влияет целый ряд факторов: от характеристик самого события (интенсивность, присутствие полиции, применение насилия, новизна темы) до наличия корреспондентского пункта и медийной повестки дня. Дэвид Ортиз и его коллеги справедливо отмечают, что газетные статьи пишутся не для социальных исследований, равно как и не имеют целью осветить все события или их репрезентативную выборку [Ortiz et al. 2004:

¹ European protest and coercion data <http://web.ku.edu/~ronfrand/data/>

² Kansas Event Data System <https://www.aaas.org/page/kansas-event-data-system-keds-project>

³ Event Data Sets <http://eventdata.parusanalytics.com/data.html>

397]⁴, однако меры предосторожности, о которых речь пойдет ниже, могут сделать полученные на основе медиа-сообщений данные более валидными.

Наконец, четвертая волна продолжила оспаривать границы понятий, «распаковывая» отдельные протестные события и пытаясь преодолеть структуралистский посыл «протестцентричности» метода. Так, Руд Коопманс и Пол Стетхем указывают, что «ивент-анализ имеет тенденцию представлять протест как «объективное явление» в ущерб осмыслению политических требований, которые и являются мобилизующей силой» [Koopmans and Statham 1999: 210], потому предлагают объединить ивент- и дискурс-анализ. Роберто Францози разработал модель «есмантических триад» субъект-действие-объект для событийного анализа, позволяющую учитывать множественность линий взаимодействий внутри события протеста [Franzosi 2004]. Отталкиваясь от этой идеи, Х.Криси и его коллеги применили «анализ корневых предложений» (core sentence analysis) к политическим конфликтам в странах Западной Европы, который позволяет фиксировать отношения между акторами или между актором и проблемной областью (issue) [см. Krisi et al. 2012: 41-43 для подробного описания метода]. Продолжая линию С.Хаттера, в связи с развитием технологий можно говорить о событийном анализе «пятого поколения», например, в рамках проекта «больших данных» вроде Глобальной базы данных о событиях, языке и тоне (Global Database of Events, Language, and Tone, GDELT), которая обрабатывает информацию практически в реальном времени (с задержкой в 15 минут) о более чем 300 типах событий во всех странах мира, используя сообщения сети Интернет на более чем 100 языках [Leetaru and Shrodt 2014]. Итогом пяти поколений развития событийного анализа можно считать накопленное знание о его возможностях и ограничениях, включая этапы концептуализации/ включения, отбор источников, вероятные причины смещений и способы их контроля, процедуры кодирования и агрегирования.

Событийный анализ протестов и динамика состязательности в России

Постсоциалистические страны (включая Россию) стали ареной для применения событийного анализа протестов уже в 1990-е гг. Так, Лариса Титаренко и др., используя данные отчетов МВД республики Белоруссия за 1990-1995 гг. демонстрируют влияние циклов государственных репрессий на выбор протестующими репертуара: в период «демократического транзита» наблюдалось доминирование «слабых» коллективных акторов, тактику которых впоследствии, в период усиления репрессий, заимствовали более сильные участники [Titarenko et al. 2002]. Гжегорж Экерт и Ян Кубик в сравнительном исследовании «состязательной политики» в четырех «новых демократиях» (Восточная Германия, Польша, Венгрия и Словакия) за период 1989-1994 гг. доказывают, что вариация в размахе, репертуаре и стратегиях протеста не может быть объяснена исключительно конфигурацией «объективных» (экономических или политических) факторов или относительной депривацией, скорее — комбинацией ресурсов и институциональных возможностей [Ekiert and Kubik 1996].

Россия стала объектом применения событийного анализа еще в 1990-е гг., например, группой социологов из Санкт-Петербурга была осуществлена попытка адаптировать уже упоминавшийся проект PRODAT [Костюшев и 1999]. Однако первые масштабные по охвату и глубине каталоги российских протестов связаны с работами Марка Бейссингера о мобилизации национализма в позднем Советском Союзе [Beissinger 1996, 2002]. Основываясь на широком круге источников (в основном - советской и зарубежной прессе, всего более 150 источников), он собрал информацию о 6644 демонстрациях и 2173 массовых насильственных акциях на протяжении 1987-1992 гг., которая позволила описать процесс национальной мобилизации в позднем СССР, а также выявить факторы, ведущие к применению насилия в ходе этой мобилизации. Важным выводом исследования является аргумент в пользу

---

⁴ Один из вариантов решения проблемы предложен Крэйгом Баерляйном и его коллегами в рамках проекта Национальное исследование протестных событий и заключается в формировании «гиперсетевой выборки» (hypernetwork sampling) событий [Beyerlein K. et al. 2016]

самостоятельного значения протестных событий: Бейссингер показывает, что динамика националистической мобилизаций в позднем СССР носила характер цунами, то есть, успешная демонстрация движения в одних республиках запускала мобилизацию в других. В более позднем совместном с Гвендолин Сассе исследовании каталог протестов уже охватывает все страны Восточной Европы в период 2007-2010 гг.. В нем фокус также сделан на массовых демонстрациях (не менее 100 человек), забастовках и массовом насилии. Источником данных выступают информационные агентства AP, Agence France Presse, Deutsche Press Agentur, и Interfax [Beissinger and Sasse 2014: 365-366].

С опорой на работы Ч.Тилли и М.Бейсингера составляет свою базу данных протестных событий Грэм Робертсон. Два каталога, составленных им, опираются на отчеты МВД и Института коллективного действия и охватывают период с 1997 по 2000 гг. и с 2007 по 2010 гг. соответственно. Отчеты («сводки») МВД позволили отследить тип события, локацию, тип участников, их число, экономический сектор, продолжительность и тип требований [Robertson 2011: 14]; всего было зафиксировано 5822 события. Отчеты ИКД отражают ситуацию 10 лет спустя и кодировались по аналогичной схеме, всего 5726 событий попало в базу данных. Грэм Робертсон справедливо отмечает возможные смещения в данных, поскольку отчеты МВД – это взгляд на протесты «глазами полицейского», а сводки ИКД – глазами «симпатизирующих журналистов и социологов» [Robertson 2013: 15]. Источником таких смещений выступают как наличные ресурсы и возможности по сбору данных, так и стимулы для составителей отчетов и сводок отбирать и фиксировать определенную информацию. Несмотря на различия в источниках, на агрегированном уровне данные позволяют проследить фундаментальные изменения по ряду характеристик протестных событий: так, если в конце 1990-х гг. 72-74% событий касались невыплаченной заработной платы и трудовых прав, а остальные вопросы оказывались на периферии (требования политических изменений и изменений политического курса набирают лишь по 5%), то в конце 2000-х ситуация кардинально меняется, требования выплат сократились до 6%, тогда как протесты, связанные с городским развитием/ окружающей средой («проблемы роста», иными словами) составили 28% от общего числа, а требования изменить политический курс – 22% [Robertson 2013: 20]. Также протесты все больше стали концентрироваться в столицах (Москве и Санкт-Петербурге), а репертуар трансформировался из прямых действий по преимуществу в символический.

Другой попыткой создать комплексный каталог протестов с всероссийским охватом предприняли Томила Ланкина и Алиса Возная [Lankina and Voznaya 2015]. На материале сообщений сайта pamarsh.ru (создан Гарри Каспаровым для распространения информации о «Маршах несогласных», сейчас в какой-то мере аналог ИКД) они создали базу данных из 4726 событий за период с марта 2007 по декабрь 2012 гг. В дополнение к традиционным переменным (локация, количество участников, репертуар) кодировались «категории протеста»: политические, экономические, социальные, правовые, экологические и культурные, последние три объединяются позже в категорию «гражданские», их соотношение в целом по стране: 38% – политические, 15% – экономические, 20% – социальные и 26% гражданские [Lankina and Voznaya 2015: 332]. Важной особенностью этой базы данных является возможность проследить вариацию на уровне регионов, хотя к этому измерению надо подходить с известной осторожностью, поскольку как и любой активистский ресурс, pamarsh.ru имеет смещение данных по корреспондентской сети. Тем не менее, данные Т.Ланкиной и А.Возной подтверждают предположение о значительной региональной вариации в масштабе и характере мобилизации: регионы Севера, Волго-Вятского и Центрального экономического районов отличаются большей долей (41-42%) политических протестов, Дальний Восток, Центральное Черноземье, Восточная Сибирь и Урал – экономических (от 39 до 23%). Социальные протесты сильнее всего в Калининграде (33%), Приволжском и Западносибирском (26%) регионах, а регионами-лидерами по гражданским являются Северный Кавказ (37%), Центральный и Северо-Западный округа (31 и 30%). На основе этих же данных Т.Ланкина рассматривает постэлекторальную

мобилизацию 2011-2012 гг. и приходит к выводу о существенной связи между уровнем фальсификаций и поствыборными протестами [Lankina and Skovoroda 2016].

Движение «За честные выборы!» 2011-2012 гг. стало основой и для целого ряда других исследований с использованием ивент-анализа. Продолжительно кампании (шесть месяцев с декабря 2011 по май 2012 гг.), географический охват, интенсивность (почти каждый месяц за исключением января – крупные акции) и разнообразие участников обеспечили внимание масс-медиа к этой кампании, а значит – существенную источниковую базу. Антон Соболев на основе сообщений базы СМИ «Интегрум» сформировал каталог событий за период существования движения (более 450 событий в 75 регионах) и проверил взаимосвязь между региональными факторами и масштабом коллективных действий [Соболев 2013]. Хаггеман и Куфенко также собрали информацию о протестных акциях 2011-2012 гг. для проверки гипотезы о связи социально-экономического неравенства и участия населения в протестных действиях [Hagemann and Kufenko 2016]. Михаил Габович, Манарша Исаева и Ольга Свешникова создали базу данных PEPS - Protest Events, Photos, and Slogans («Акции протеста, фотографии и лозунги»), в которой протестные события дезагрегируются до уровня отдельных лозунгов [Gabowitch 2016]. Отличие этого каталога не только в попытке «распаковать» событие до уровня лозунгов, но и в опора на источники личного происхождения в сети Интернет: блоги, фотосервисы, социальные сети. Данные PEPS были использованы для анализа стратегий фреймирования организаторами событий кампании [Завадская и Савельева 2014], а также влияния кооптации партийных лидеров и активистов на мобилизацию [Dollbaum 2017].

Событийные каталоги протестов в России также создаются для прикладных задач, в первую очередь – мониторинга социально-экономической напряженности. Таковым является мониторинг трудовых протестов, составляемых Петром Бизюковым в Центре социальных и трудовых прав с 2008 по настоящий момент. П.Бизюков указывает на недостатки государственного учета трудовых конфликтов: с 2008 по 2015 год согласно своей методике он зафиксировал 1688 трудовой протест, под которым понимается «открытая форма трудового конфликта, в рамках которого работники предприятия (организации, корпорации) или трудовая группа предпринимают действия, направленные на отстаивание своей социально-трудовой позиции путём воздействия на работодателя или других субъектов, способных определять позицию работодателя, с целью её изменения»⁵, тогда как Госкомстат за этот же период отмечает лишь 42 забастовки. Проблемы государственной статистики трудовых конфликтов отмечаются и в других исследованиях [Козина 2009], поэтому мониторинг ЦСПП является значимой альтернативой, поскольку построен на прозрачной кодировочной схеме и широком круге источников (более 80 СМИ, профсоюзных и активистских ресурсов, других интернет-источников). Однако в связи с фокусом на трудовых протестах, мониторинг оставляет без внимания значительную часть протестной активности. Похожий мониторинг ведет Центр экономических и политических реформ, который использует широкую категорию «трудовой конфликт» для отслеживания социально-экономической напряженности, однако методику сбора и обработки данных проект не раскрывает, в результате их данные значительно расходятся с оценками ЦСПП: за 2016 год ЦЭПР зафиксировал лишь 116 трудовых протестов⁶.

Другой попыткой применить событийный анализ для оценки социально-политической ситуации стал Мониторинг социально-экономической и политической напряженности Комитета гражданских инициатив. Протестная активность (число протестных акций в регионах России, разделенных по тематическому рубрикатору) выступает одним из

---

⁵ Бизюков П.В. Методика и информационная база мониторинга трудовых протестов ЦСПП. Сайт Центра социальных и трудовых прав. Доступ: <http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/1360> (проверено 04.03.2017)

⁶ Мониторинг социально-экономической напряженности в трудовой сфере в 2016 году: итоги. Сайт Центра экономических и политических реформ. Доступ: <http://cepr.su/2017/02/16/трудовые-протесты-в-2016-году> (проверено 04.03.2017).

показателей оценки уровня напряженности в регионе, наряду с социально-экономическими и политическими индикаторами, то есть, не является самостоятельным объектом изучения. В методике указывается, что источниками для оценки протестной активности выступают «сообщения СМИ и информационных агентств о публичных акциях (митингах, шествиях, пикетах, сходах, забастовках, голодовках и др.)». За 2,5 года наблюдений с 2014 г. исследователи зафиксировали более 3000 акций протеста⁷.

Исследование	Период и география охвата	Единица анализа	Источники
Beissinger 1996, 2002	СССР, 1987-1992	Демонстрации Массовые акции с применением насилия Забастовки	Масс-медиа
PRODAT SPb	Санкт-Петербург	Протестные события	Масс-медиа
Robertson 2011	Россия, 1997-2000	Протестные события	Отчеты полиции
Robertson 2013	Россия, 2007-2011	Протестные события	Институт коллективного действия
Lankina 2015	Россия, 2007-2012	Протестные события	namarsh.ru
Evans 2015	Волжский, Череповец, Комсомольск-на-Амуре	Протестные события	Региональные СМИ
Gabowitch 2016	Россия, 2011-2013	Лозунги	Блоги, социальные сети, другие источники личного происхождения
Бизюков 2017	Россия, 2008-2016	Трудовые конфликты	Федеральные СМИ, специализированные ресурсы
Мониторинг ЦЭПР	Россия 2015-2016	Трудовые конфликты	Федеральные СМИ
Мониторинг КГИ	Россия, 2014-2016	Протестные события	Федеральные СМИ

Таблица 1. Исследования мобилизации в России с применением событийного анализа протестов

Из вышеприведенного анализа можно сделать вывод, что событийный анализ протестов уже закрепился как инструмент анализа как в прикладных, так и в аналитических исследованиях, посвященных России. В Таблице 2. приводится список существующих исследований и их основные характеристики. Однако практика применения этого инструмента отличается рядом проблем: во-первых, доступ почти ко всем каталогам ограничен (большинство можно получить только через личные контакты, если вообще возможно); во-вторых, в ряде случаев отсутствует подробное описание процесса сбора и кодирования информации, процедур проверки надежности и релевантности собранных данных; в-третьих, исследователи редко производят оценку смещений и кросс-валидацию полученных данных. Попытка решить эти проблемы вылилась в необходимость создания собственной базы данных протестных событий, основанной на альтернативных источниках и

⁷ Данные получены в личной переписке с авторами проекта.

кодировочной схеме, что позволило выработать некоторые правила, позволяющие минимизировать преодолеть неизбежно возникающие в ходе событийного анализа трудности.

Составление каталогов событий: этапы, правила и процедуры.

Как и любое исследование, составление каталога протестных событий зависит напрямую от исследовательского вопроса. Одни исследования посвящены определенным типам протеста (например, трудовым конфликтам или крупным демонстрациям), другие охватывают широкий спектр форм предъявления требований, третьи в фокусе имеют ситуацию (например, конфликта), которая может впоследствии вылиться в мобилизацию, наконец, четвертые описывают целые протестные кампании. Марк Бейссингер в своей работе о националистической мобилизации, описывая методику сбора данных о событиях протеста, отмечает:

Исследователи должны решить, какие формы действий заслуживают анализа, какие характеристики этих действий заслуживают внимания, какие источники могут быть использованы, наконец, как будет организован процесс сбора информации. В хорошем исследовании решения относительно этих вопросов должны основываться на взаимодействии теории и контекста [Beissinger 2002: 460].

Действительно, при составлении каталогов событий изначальные схемы (например, переменные для анализа) могут быть изменены в процессе сбора и обработки информации в силу недоступности данных или специфики исследуемых форм активности. В связи с этим, событийный анализ требует, с одной стороны, точности в формулировках и следовании протоколу сбора и обработки данных, с другой – известной степени гибкости в работе с самими данными, чтобы учитывать три типа возможных систематических ошибок (bias): ошибка отбора информации (selection bias), связанная с тем, что журналисты избирательно подходят к освещению разных событий; ошибка описания (description bias), связанная с неточностью и неполнотой информации о событиях в источниках; и исследовательские ошибки (research bias), связанные с неточностью ручного или автоматического кодирования [Hutter 2014]. Систематические ошибки сказываются на полноте и качестве итоговых каталогов, например, исследования показывают, что СМИ склонны больше и полнее описывать масштабные события, которые происходят в крупных городах, а также которые связаны с применением насилия. Отдельные характеристики события могут систематически игнорироваться (например, организаторы), что вызывает необходимость разработки альтернативных методов атрибутирования данных характеристик. Наконец, в случае ручного кодирования могут возникать систематические ошибки, если процедуры недостаточно ясны. Ряд инструментов, о которых речь пойдет ниже, позволяют контролировать систематические ошибки, однако для их оценки рекомендуется проведение пилотных исследований на небольшой выборке источников, чтобы избежать наиболее существенных смещений изначальной «прощупать» эмпирический контекст.

Первый этап событийного анализа - определение единицы наблюдения и ее ключевых характеристик. Так, в фокусе внимания Ч.Тилли оказываются «протестные собрания» - «ситуации, в которых десять и более человек, не связанных с правительством, собираются в одном месте для предъявления требований в видимой форме, которые, будучи реализованными, затронут интересы отдельных людей или групп, не входящих в данное собрание [Tilly and Schweitzer 1977: 14]. Рухт предлагает определять протестное событие как «коллективные, публичные действия неправительственных авторов, посредством которых выражается критика или несогласие и артикулируются социальные или политические требования [Rucht and Ohlemacher 1992: 4]. М.Бейссингер выделяет пять существенных характеристик понятия «демонстрация», включая добровольный характер участия, ограниченность во времени и пространстве, порог численности (не менее 100 человек) [Beissinger 2002: 462]. В зависимости от исследовательского вопроса и выбора единицы наблюдения из каталогов могут исключаться проправительственные акции [Lankina 2015], протесты низкой

интенсивности [Beissinger 2002], неконвенциональные формы протеста.

При создании базы данных «Состязательная политика в России» мы адаптировали подход Ч.Тилли и его коллег и определили базовую единицу наблюдения как «протестное событие» - «ограниченная во времени и пространстве ситуация публичного предъявления требований государству или третьим лицам на территории Российской Федерации». Другими словами, чтобы быть включенным в базу, событие должно было обладать свойствами законченности и публичности, произойти на территории России и содержать требования. Отсутствие порога численности позволило нам зафиксировать такие формы, как одиночные пикеты (их использование получило особенное распространение в связи с ужесточением законодательства о массовых акциях), голодовки, флеш-мобы и другие немассовые формы мобилизации. Так как нас интересовала динамика мобилизации, а не замеры состояния мобилизации в определенный период, низкий порог чувствительности позволили отслеживать низкоинтенсивные формы коллективного действия и их роль в формировании протестного цикла [Семенов 2016]. Важным является также такие характеристики как локализация во времени и пространстве, основной принцип здесь – создание таких переменных, которые позволяют без существенных затрат (дез)агрегировать единицы наблюдения до нужного уровня. Трудности возникают, например, в связи с проведением широких кросс-региональных кампаний, события которых явно не являются «независимыми» единицами наблюдения, в таком случае целесообразно вводить отдельную переменную-индикатор и, возможно, уникальный номер самой кампании. Другой проблемой могут быть продолжительные протесты (более суток), которые требуют введения переменной «продолжительность», а также четких критериев разграничения во времени от других событий, например, разрыв в активности более 24 часов между отдельными проявлениями активности.

Следующий этап - организация процесса сбора и обработки информации, в первую очередь – определение списка источников информации, правил кодировки (коудбук) и хранения, составление протокол действий в ситуациях неоднозначности. Как уже отмечалось, отбор источников – ключевой, поскольку от последних зависит характер смещений в отборе событий. Самым распространенным источником выступают сообщения в СМИ, но также используются отчеты органов внутренних дел или уведомления о проведении публичных акций в муниципалитет, дневники наблюдения или агрегаторы [Лобанова и Семенов 2013]. Каждый из способов имеет свои ограничения, один из вариантов решения проблемы смещений, если источником выступают СМИ, - это формирование выборки, например, отбор только итоговых выпусков ежедневных газет или наоборот только выпуска в понедельник [Kriesi et al. 1995]. Другим вариантом является опора на репозитории медийных сообщений и работа со стандартизированными запросами в них. На этой методике основана наша база данных: поиск в ней осуществлялся по запросу «акция протеста» в заранее оговоренном круге источников, в результате которой формировалась выборка сообщений, из которой кодировщики отбирали информацию о событиях согласно выделенным критериям. Число сообщений в системе Интегрум за период 2000-2016 гг. отображено на графике 2.

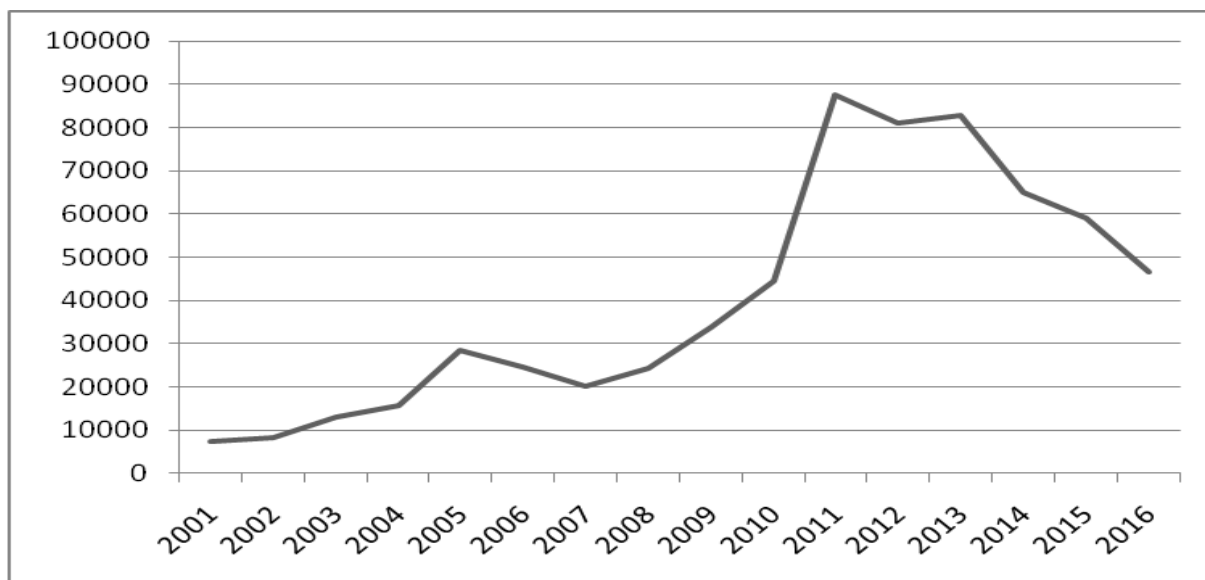

График 2. Количество сообщений по запросу «акция протеста» в БД «Интегрум» за 2000-2016 гг. (введены ограничения по источникам).

Из графика видно, что 2005 (более 28 тыс. сообщений) и 2011-2013 гг. (81-87 тыс. сообщений) являются пиками по количеству сообщений, что связано с периодами мобилизации в России (протестами против монетизации льгот и кампанией «За честные выборы»). График также отражает очевидный куммулятивный эффект включения все большего количества источников в «Интегрум» и рост числа сообщений о протестных событиях, однако скрывает тенденцию российских СМИ уделять большее внимание акциям протеста за пределами России, в результате чего в пик 2011-2012 гг. попадали события Арабской весны, движения Оккупай Уолл Стрит и другие примеры массовой мобилизации.

Далее происходит работа непосредственно с источниками, в которой Дитер Рухт и Фридрих Нейхард выделяют семь этапов: 1) сканирование и копирование источников 2) отбор источников, которые точно относятся к протестным событиям 3) сортировка источников согласно темам и кампаниям 4) чтение статей за определенный период 5) кодирование протестных событий 6) отбор проблематичных случаев для последующего группового обсуждения или решения координатора проекта 7) архивация источников [Rucht and Neidhardt 1998: 85]. Важным моментом при работе с источниками является организация материала в базе данных. Так, каждому наблюдению необходимо присваивать уникальный номер-идентификатор, позволяющий связать его с сохраненными сообщениями, что позволит в дальнейшем легко сопоставить данные записи и первоисточников. В случае наличия множества источников, в том числе – с альтернативной информацией, необходимы правила, позволяющие объединять множество сообщений в одно событие. Другая проблема – если в сообщении содержится информация о более чем одном протестном событии, в таком случае к идентификационному номеру можно добавлять дополнительные символы.

Другим значимым элементом кодировочной процедуры является разработка коудбука с описанием переменных и конвенциями применения кодировочных правил. Например, в нашей базе данных содержится переменная «низовая активность», бинарный индикатор, который указывает, что акция протеста не связана с существующими организованными акторами (партиями, профсоюзами или движениями). Для этой переменной было разработано правило, согласно которому событию присваивается статус «низовой», если в сообщении не содержится указаний на наличие организации-инициатора. Однако даже наличие четко прописанных правил не снимает до конца неопределенность, особенно на начальных этапах сбора и обработки информации, в силу систематического отсутствия нужной информации или противоречиях. В таких случаях важно ввести записи о всех проблемных случаях, устраивать их регулярный разбор командой кодировщиков, вырабатывать конвенции кодирования. Поскольку освоение конвенций требует времени,

важно чтобы кодировщики, по возможности, обрабатывали информацию в присутствии координатора исследования, чтобы оперативно решать возникающие проблемы (т.н. «полноценная рабочая среда»).

Источник ошибки	систематической	Варианты решения
Ошибка отбора		Поиск по электронным архивам (множество источников) Применение выборки (случайной или систематической) Учет неопределенности
Ошибка описания		Триангуляция данных Исследовательские конвенции идентификации/классификации
Исследовательские ошибки		Уникальные идентификаторы единиц наблюдения в привязке к источникам Полноценная рабочая среда (full working environment) Контрольная проверка кодирования (intercoder check)

Таблица 3. Источники систематических ошибок и варианты их коррекции

Безусловно, даже соблюдение всех правил и предосторожностей не гарантирует 100%-й надежности данных, как и любая процедура, требующая интерпретации, кодировка событий связана в конечном счете с множеством решений отдельных кодировщиков. Тем не менее, при соблюдении данных правил, влияние систематических ошибок на результат может быть сведено к минимуму. Также для проверки надежности данных можно применять процедуры валидации, например, контрольную проверку кодирования (intercoder check), которая заключается в анализе совпадений между уже произведенной кодировкой и кодировкой, выполненной другим кодировщиком на том же массиве данных. Другие варианты включают анализ описательной статистики (например, построение гистограмм распределений) и сверку полученных данных с данными других проектов.

Заключение

Составление систематических каталогов протестных событий прочно вошло в инструментарий исследований мобилизации: начиная с пионерских работ Ч.Тилли и заканчивая масштабными проектами «больших данных» наподобие GDELT, событийный анализ стал не только инструментом изучения, но и переосмысления ключевых понятий теорий коллективного действия. Так, на основе изучения протестных событий были введены такие концепты как «структура политических возможностей», «циклы политического протеста», «репертуар коллективных действия» и другие, а составленные каталоги позволили прояснить ряд взаимосвязей между протестными действиями и контекстуальными факторами. Более того, каталоги протестов стимулировали полноценные сравнительные исследования мобилизации.

Важно отметить, что исследователи России не остались в стороне от применения данного метода и начиная с 1990-х гг. сформировали мощную традицию ивент-анализа мобилизации в российских условиях. Созданные каталоги являются существенным дополнением к официальной государственной статистике, которая имеет существенные пробелы, а также позволяют лучше понять динамику и кросс-региональную вариацию протестной активности в России. В последнее время событийный анализ также стал важным инструментом прикладного анализа, в частности – мониторингов социально-политической напряженности в регионах. Пожалуй, самой существенной проблемой остается

недоступность баз данных о протестах для других исследований, в результате чего затруднена как репликация уже имеющихся результатов, так и проведение новых исследований.

Построение каталогов протестных событий, достаточно надежных и готовых к использованию другими исследователями, представляет собой достаточно нетривиальную задачу. Любой проект, подразумевающий создание таких баз данных с неизбежностью сталкивается с рядом вызовов, в первую очередь, связанных с систематическими ошибками в освещении, описании и кодировании информации. Ряд процедур, таких как триангуляция (использование разных источников) или электронные архивы, полноценная рабочая среда и регулярные встречи кодировщиков, контрольная проверка кодирования могут значительно повысить надежность и точность данных, хотя и не снимают проблемы репрезентативности. Использование процедур автоматического кодирования, вместе с обилием текстовых источников в сети Интернет и расширением возможностей «машинного обучения», являются многообещающими альтернативами «ручному сбору» информации о протестах. Однако даже лучшие алгоритмы вряд ли смогут справиться с проблемами низкого качества сообщений в СМИ, систематического пропуска данных и цензуры, которые несомненно присутствуют в российском случае. В этом плане, накопление опыта, учет ошибок и вызовов в сочетании с новыми возможностями могут значительно улучшить не только качество сбора и обработки данных, но и наше понимание процессов мобилизации в России и ее регионах.

Благодарности

Статья выполнена в рамках Программы развития партнерских центров Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Список литературы

Бизюков П.В. Методика и информационная база мониторинга трудовых протестов ЦСТП.

Сайт Центра социальных и трудовых прав. Доступ:

<http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/1360> (проверено 04.03.2017)

Завадская М., Савельева Н. (2014) «А можно я как-нибудь сам выберу?»: выборы как «личное дело», процедурная легитимность и мобилизация 2011–2012 годов. - С. Ерпылева, А. Магун (ред.) Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов, М.: Новое литературное обозрение: 219–270.

Костюшев В. В., Горьковенко В. В. 1999. Социологическое описание коллективных протестных действий: информационная база данных акций протеста (PRODAT-SPb). - Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию. М.: Ин-т социологии РАН. С.144-177.

Козина И. М. 2009. Забастовки в современной России. - Социологические исследования. №9. С.13-24.

Лобанова О.Ю., Семенов А.В. 2013. Репертуар протестных действия: опыт социокультурного анализа. - Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1. С. 124-132.

Социально-экономическое неблагополучие и политическая напряженность в регионах России. 2016. Сайт Комитета гражданских инициатив. Доступ:

<https://komitetgi.ru/projects/2901/> (проверено 04.03.2017)

Семенов А.В. От экономического кризиса к политическому? Динамика протестных требований в российских регионах (2008-2012 гг.). - Журнал исследований социальной политики. 2016. Т14. №2. С.181-196.

Мониторинг социально-экономической напряженности в трудовой сфере в 2016 году: итоги. Сайт Центра экономических и политических реформ. Доступ:

<http://cepr.ru/2017/02/16/трудоые-протесты-в-2016-году> (проверено 04.03.2017).

Beissinger M. 1996. How nationalisms spread: Eastern Europe adrift the tides and cycles of nationalist contention. - Social Research. Vol. 63. No1. P. 97-146.

Beissinger M. 2002. Nationalist mobilization and the collapse of the Soviet State. Cambridge

- University Press, 2002. 504 p.
- Beyerlein K., Barwis P., Crubaugh B., Carnesecca, C. 2016. A New Picture of Protest The National Study of Protest Events. - *Sociological Methods & Research*. DOI: 0.1177/0049124116661574
- Chenoweth E., Lewis O. 2013. Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes Dataset, v. 2.0. University of Denver.
- Danzger M. 1975. Validating conflict data. - *American Sociological Review*. Vol.40. No.5. P. 570-584.
- Ortiz D., Myers D., Walls E., Diaz M.-E. 2005. Where Do We Stand with Newspaper Data? - *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 10. No. 3. P. 397-419.
- Dollbaum J.M. 2017. Curbing protest through elite co-optation? Regional protest mobilization by the Russian systemic opposition during the 'for fair elections' protests 2011–2012. - *Journal of Eurasian Studies* (forthcoming). doi: 10.1016/j.euras.2017.01.002
- Earl J., Martin A., McCarthy J., Soule S. 2004. The Use of Newspaper Data in the Study of Collective Action. - *Annual Review of Sociology*. Vol.30. P. 65-80. doi: 10.1146/annurev.soc.30.012703.110603
- Eisinger P. K. 1973. The conditions of protest behavior in American cities. - *American Political Science Review*. Vol. 67. No.1. P. 11-28.
- Ekiert G., Kubik J. 1998. Contentious Politics in New Democracies: East Germany, Hungary, Poland, and Slovakia, 1989–93. - *World Politics*. Vol. 50. No. 4. P. 547-581.
- Evans A. 2014. Local democracy in a hybrid state: pluralism and protest in Volzhskiy, Russia.- *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. No. 4. P.298-323.
- Evans A. 2016. Protest Patterns in Provincial Russia: a Paired Comparison of Company Towns. - *Studies in Comparative International Development*. Vol. 51. No. 4. P.456-481.
- Gabowitsch M. 2016. *Protest in Putin's Russia*. Cambridge: Polity Press. 300 p.
- Hagemann H., Kufenko V. 2016. Economic, structural and socio-psychological determinants of protests in Russia during 2011–2012. - *Economics of Transition*. Vol. 24. No.1. P. 3-30.
- Imig D., Tarrow S. 2001. *Contentious Europeans: Protest and Politics in an Integrating Europe*. Oxford: Rowman & Littlefield.
- Koopmans R., Statham P. 1999. Political claims analysis: integrating protest event and political discourse approaches. - *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 4. No.2. P. 203-221.
- Kriesi H. (ed.). 1981. *Politische Aktivierung in der Schweiz, 1945-1978*. – Diessenhodder: Rüeegger.
- Lankina, T. and Voznaya, A., 2015. New data on protest trends in Russia's regions. - *Europe-Asia Studies*. Vol. 67. No.2. P.327-342.
- Lankina T., Skovoroda R. 2016. Regional protest and electoral fraud: evidence from analysis of new data on Russian protest. - *East European Politics*. P. 1-22. DOI: 10.1080/21599165.2016.1261018
- Leetaru K., Schrodt P. (2013). *Gdelt: Global data on events, location, and tone, 1979–2012*. - ISA Annual Convention. Vol. 2. No.4.
- McAdam D. 1982. *Political Process and the Development of Black Insurgency 1930-1970*. Chicago: University of Chicago Press.
- McCarthy J. D., Zald M. N. 1977. Resource mobilization and social movements: A partial theory. - *American journal of sociology*. Vol. 82. No. 6. P. 1212-1241.
- Olson M. 2009. *The logic of collective action*. Cambridge: Harvard University Press.
- Olzak S. 1989. Analysis of events in the study of collective action. - *Annual review of sociology*. – Vol. T. 15. No. 1. P. 119-141.
- Reuter O., Robertson G. 2014. Legislatures, cooptation, and social protest in contemporary authoritarian regimes. - *The Journal of Politics*. Vol. 77. No. 1. P. 235-248.
- Robertson D.W. 1946. A Note on the Classical Origin of «Circumstances» in the Medieval Confessional. - *Studies in Philology*. Vol. 43. No.1. P. 6–14
- Robertson G. 2011. *The politics of protest in hybrid regimes: Managing dissent in post-communist Russia*. Cambridge University Press.

- Rucht D., Ohlemacher T., 1992. Protest event data: collection, uses and perspectives. Studying collective action. – Eyerman M. (ed.) Studying Collective Action.. Newbury Park, CA: Sage. P.76-106.
- Rucht D. et al. (eds.) 1999. Acts of dissent: new developments in the study of protest. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers.
- Rudé, George FE. The crowd in the French Revolution. Oxford University Press, 1972.
- Russett B., Deutsch K., Alker H., Lasswell H. 1968. World Handbook of Political and Social Indicators, 1961-1963. ICPSR05022-v1. Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research [distributor], DOI: <http://doi.org/10.3886/ICPSR05022.v1>
- Schrodt P. A., Hall B. 2006. Twenty years of the Kansas event data system project. - The political methodologist. Vol.14. No. 1. P. 2-8.
- Schrodt P. 2012. Precedents, Progress, and Prospects in Political Event Data. - International Interactions. Vol.38. No.4. P.546-569.
- Tarrow S. 1993. Cycles of collective action: Between moments of madness and the repertoire of contention. - Social Science History. Vol. 17. No. 02. P.281-307.
- Taylor C., Jodice D. 1986. World Handbook of Political and Social Indicators III: 1948-1982. ICPSR07761-v2. Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research [distributor], DOI: <http://doi.org/10.3886/ICPSR07761.v2>
- Taylor C., Hudson M. 1975. World Handbook of Political and Social Indicators II, 1948-1967: Annual Event Data. 2nd ICPSR ed. Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research [producer and distributor]. DOI: <http://doi.org/10.3886/ICPSR05028.v2>
- Tilly C. 1986. The Contentious French. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Tilly C. 1995. Popular Contention in Britain. . Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Tilly C., Schweitzer R., 1977. Contentious Gatherings in Great Britain, 1828-1834: Provisional Plans for Enumeration and Coding.
- Titarenko L., McCarthy J., McPhail C., Augustyn B. 2001. The interaction of state repression, protest form and protest sponsor strength during the transition from communism in Minsk, Belarus, 1990-1995.- Mobilization: An International Quarterly. Vol. 6. No. 2. P. 129-150.

References

- Bizyukov P.V. Metodika i informatsionnaya baza monitoringa trudovyih protestov. TsSTP. Sayt Tsentra sotsialnyih i trudovyih prav (in Russ.) URL: <http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/1360> (accessed 04.03.2017)
- Kostyushev V. V., Gorkovenko V. V. 1999. Sotsiologicheskoe opisanie kollektivnyih protestnyih deystviy: informatsionnaya baza dannyih aktsiy protesta (PRODAT-SPb). -Obschestvennyie dvizheniya v sovremennoy Rossii: ot sotsialnoy problemy k kollektivnomu deystviyu. M.: In-t sotsiologii RAN. P.144-177. (in Russ.)
- Kozina I. M. 2009. Zabastovki v sovremennoy Rossii. - Sotsiologicheskie issledovaniya. №9. P.13-24. (in Russ.)
- Lobanova O.Yu., Semenov A.V. 2013. Repertuar protestnyih deystviya: opyt sotsiokulturnogo analiza. - Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. № 1. P. 124-132. (in Russ.)
- Sotsialno-ekonomicheskoe neblagopoluchie i politicheskaya napryazhennost v regionah Rossii. 2016. Sayt Komiteta grazhdanskikh initsiativ. (in Russ.) URL: <https://komitetgi.ru/projects/2901/> (accessed 04.03.2017)
- Semenov A.V. Ot ekonomicheskogo krizisa k politicheskomu? Dinamika protestnyih trebovaniy v rossiyskikh regionah (2008-2012 gg.). - Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki. 2016. T14. №2. S.181-196. (in Russ.)
- Monitoring sotsialno-ekonomicheskoy napryazhennosti v trudovoy sfere v 2016 godu: itogi. Sayt Tsentra ekonomicheskikh i politicheskikh reform. (in Russ.) URL: <http://cepr.su/2017/02/16/trudovyye-protestyi-v-2016-godu> (accessed 04.03.2017).
- Zavadskaya M., Saveleva N. (2014) «A mojno ja kak-nibud sam vyberu?»: vybory kak «lichnoe delo», procedurnaya legitimnost i mobilisatsiya 2011-2012 godov [“Can I Choose Myself?”

- Elections as a Personal Cause, Procedural Legitimacy, and Mobilisation of 2011-2012]. - *Politika apolitichnyh: socialnye dvizenija v Rossii 2011-2013 gg.* (The Politics of Apolitical: Social Movements in Russia in 2011-2013). Ed by. S.Erpyleva and A.Magun. Moscow: Novoye Literaturnoe Obozrenie. (in Russ.)
- Beissinger M. 1996. How nationalisms spread: Eastern Europe adrift the tides and cycles of nationalist contention. - *Social Research*. Vol. 63. No1. P. 97-146.
- Beissinger M. 2002. *Nationalist mobilization and the collapse of the Soviet State*. Cambridge University Press, 2002. 504 p.
- Beyerlein K., Barwis P., Crubaugh B., Carnesecca, C. 2016. A New Picture of Protest The National Study of Protest Events. - *Sociological Methods & Research*. DOI: 0.1177/0049124116661574
- Danzger M. 1975. Validating conflict data. - *American Sociological Review*. Vol.40. No.5. P. 570-584.
- Ortiz D., Myers D., Walls E., Diaz M.-E. 2005. Where Do We Stand with Newspaper Data? - *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 10. No. 3. P. 397-419.
- Dollbaum J.M. 2017. Curbing protest through elite co-optation? Regional protest mobilization by the Russian systemic opposition during the 'for fair elections' protests 2011–2012. - *Journal of Eurasian Studies* (forthcoming). doi: 10.1016/j.euras.2017.01.002
- Earl J., Martin A., McCarthy J., Soule S. 2004. The Use of Newspaper Data in the Study of Collective Action. - *Annual Review of Sociology*. Vol.30. P. 65-80. doi: 10.1146/annurev.soc.30.012703.110603
- Eisinger P. K. 1973. The conditions of protest behavior in American cities. - *American Political Science Review*. Vol. 67. No.1. P. 11-28.
- Ekiert G., Kubik J. 1998. Contentious Politics in New Democracies: East Germany, Hungary, Poland, and Slovakia, 1989–93. - *World Politics*. Vol. 50. No. 4. P. 547-581.
- Evans A. 2014. Local democracy in a hybrid state: pluralism and protest in Volzhskiy, Russia.- *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. No. 4. P.298-323.
- Evans A. 2016. Protest Patterns in Provincial Russia: a Paired Comparison of Company Towns. - *Studies in Comparative International Development*. Vol. 51. No. 4. P.456-481.
- Gabowitsch M. 2016. *Protest in Putin's Russia*. Cambridge: Polity Press. 300 p.
- Hagemann H., Kufenko V. 2016. Economic, structural and socio-psychological determinants of protests in Russia during 2011–2012. - *Economics of Transition*. Vol. 24. No.1. P. 3-30.
- Imig D., Tarrow S. 2001. *Contentious Europeans: Protest and Politics in an Integrating Europe*. Oxford: Rowman & Littlefield.
- Koopmans R., Statham P. 1999. Political claims analysis: integrating protest event and political discourse approaches. - *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 4. No.2. P. 203-221.
- Kriesi H. (ed.). 1981. *Politische Aktivierung in der Schweiz, 1945-1978*. – Diessenhodder: Rüeegger.
- Lankina, T. and Voznaya, A., 2015. New data on protest trends in Russia's regions. - *Europe-Asia Studies*. Vol. 67. No.2. P.327-342.
- Lankina T., Skovoroda R. 2016. Regional protest and electoral fraud: evidence from analysis of new data on Russian protest. - *East European Politics*. P. 1-22. DOI: 10.1080/21599165.2016.1261018
- Leetaru K., Schrod P. (2013). Gdelt: Global data on events, location, and tone, 1979–2012. - *ISA Annual Convention*. Vol. 2. No.4.
- McAdam D. 1982. *Political Process and the Development of Black Insurgency 1930-1970*. Chicago: University of Chicago Press.
- McCarthy J. D., Zald M. N. 1977. Resource mobilization and social movements: A partial theory. - *American journal of sociology*. Vol. 82. No. 6. P. 1212-1241.
- Olson M. 2009. *The logic of collective action*. Cambridge: Harvard University Press.
- Olzak S. 1989. Analysis of events in the study of collective action. - *Annual review of sociology*. – Vol. T. 15. No. 1. P. 119-141.
- Reuter O., Robertson G. 2014. Legislatures, cooptation, and social protest in contemporary

authoritarian regimes. - *The Journal of Politics*. Vol. 77. No. 1. P. 235-248.

Robertson D.W. 1946. A Note on the Classical Origin of «Circumstances» in the Medieval Confessional. - *Studies in Philology*. Vol. 43. No.1. P. 6–14

Robertson G. 2011. *The politics of protest in hybrid regimes: Managing dissent in post-communist Russia*. Cambridge University Press.

Rucht D., Ohlemacher T., 1992. Protest event data: collection, uses and perspectives. *Studying collective action*. – Eyerman M. (ed.) *Studying Collective Action*.. Newbury Park, CA: Sage. P.76-106.

Rucht D. et al. (eds.) 1999. *Acts of dissent: new developments in the study of protest*. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers.

Rudé, George FE. *The crowd in the French Revolution*. Oxford University Press, 1972.

Russett B., Deutsch K., Alker H., Lasswell H. 1968. *World Handbook of Political and Social Indicators, 1961-1963*. ICPSR05022-v1. Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research [distributor], DOI: <http://doi.org/10.3886/ICPSR05022.v1>

Schrodt P. A., Hall B. 2006. Twenty years of the Kansas event data system project. - *The political methodologist*. Vol.14. No. 1. P. 2-8.

Schrodt P. 2012. Precedents, Progress, and Prospects in Political Event Data. - *International Interactions*. Vol.38. No.4. P.546-569.

Tarrow S. 1993. Cycles of collective action: Between moments of madness and the repertoire of contention. - *Social Science History*. Vol. 17. No. 02. P.281-307.

Taylor C., Jodice D. 1986. *World Handbook of Political and Social Indicators III: 1948-1982*. ICPSR07761-v2. Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research [distributor], DOI: <http://doi.org/10.3886/ICPSR07761.v2>

Taylor C., Hudson M. 1975. *World Handbook of Political and Social Indicators II, 1948-1967: Annual Event Data*. 2nd ICPSR ed. Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research [producer and distributor]. DOI: <http://doi.org/10.3886/ICPSR05028.v2>

Tilly C. 1986. *The Contentious French*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Tilly C. 1995. *Popular Contention in Britain*. . Cambridge, MA: Harvard University Press.

Tilly C., Schweitzer R., 1977. *Contentious Gatherings in Great Britain, 1828-1834: Provisional Plans for Enumeration and Coding*.

Titarenko L., McCarthy J., McPhailC., Augustyn B. 2001. The interaction of state repression, protest form and protest sponsor strength during the transition from communism in Minsk, Belarus, 1990-1995.- *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 6. No. 2. P. 129-150.

Приложение

Список каталогов протестных событий (адаптировано из Hutter 2014).

Название	Географический охват	Период	Единица анализа	Источники	Сайт
New social movements in Western Europe (NSM)	Франция, Германия, Швейцария, Нидерланды	1975-1989	Протестное событие	Одна национальная газета на каждую страну	www.unil.ch/fors
Prodat—Protest in Germany (main project)	Германия	1950-2002	Протестное событие	Две национальные газеты	www.wzb.eu
European Protest and Coercion data by	29 европейских стран	1980-1995	Протестное событие	Reuters и дополнительные источники	web.ku.edu/~ronfran/data
Dynamics of Collective Action	США	1960-1995	Протестное событие	New York Times	www.stanford.edu/group/collectiveaction
The Transformation of Political Mobilization and Communication in European Public	Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Испания, Швейцария, Великобритания	1990, 1995, 2000-2002	Политические требования	Несколько газет на каждую страну	europub.wzb.eu/
The National Study of Protest Events (NSPE)	США	2010-2011	Протестное событие	Репрезентативный опрос участников	nspe.nd.edu